

Рождение богов и земледелия

Революция символов – концепция археолога Жака Ковена (1930–2001), предложенная в его книге «Рождение божеств. Рождение земледелия. Революция символов в эпоху неолита», впервые изданной на французском языке в 1994 г.

Изменения в мышлении человека археологически фиксируется появлением многочисленных символически оформленных артефактов и сооружений религиозного характера. Ковен придает новому мышлению не меньшее значение, чем существенному изменению климата 14 000 – 10 000 лет назад с окончанием ледникового периода, ознаменовавшему переход эпохи плейстоцена к голоцену, что привело в 10-ом тыс. до нашей эры к возникновению земледелия и переходу земледельцев к оседлому образу жизни.

Ученый выделяет фазу Хиам (10 000–9500гг. до н.э.) мезолита, которая является переходной от Натуфийской культуры к докерамическому неолиту Иерихона (Левант).

Иерихон докерамический

В хиамское время появляется традиция размещения рогов быка в основаниях стен или под полами построек, появляются женские статуэтки, сделанные из камня и обожженной глины. Неолитическая пластика Передней Азии в отличие от верхнепалеолитической скульптуры имеет прорисовки деталей лица и позы, где руки многих статуэток сложены под грудью, подчеркивая символ материнства и образ женского божества. Такая символика впоследствии весьма выразительно проявится в неолитическом селении Чатал-Хююк в Восточной Турции.

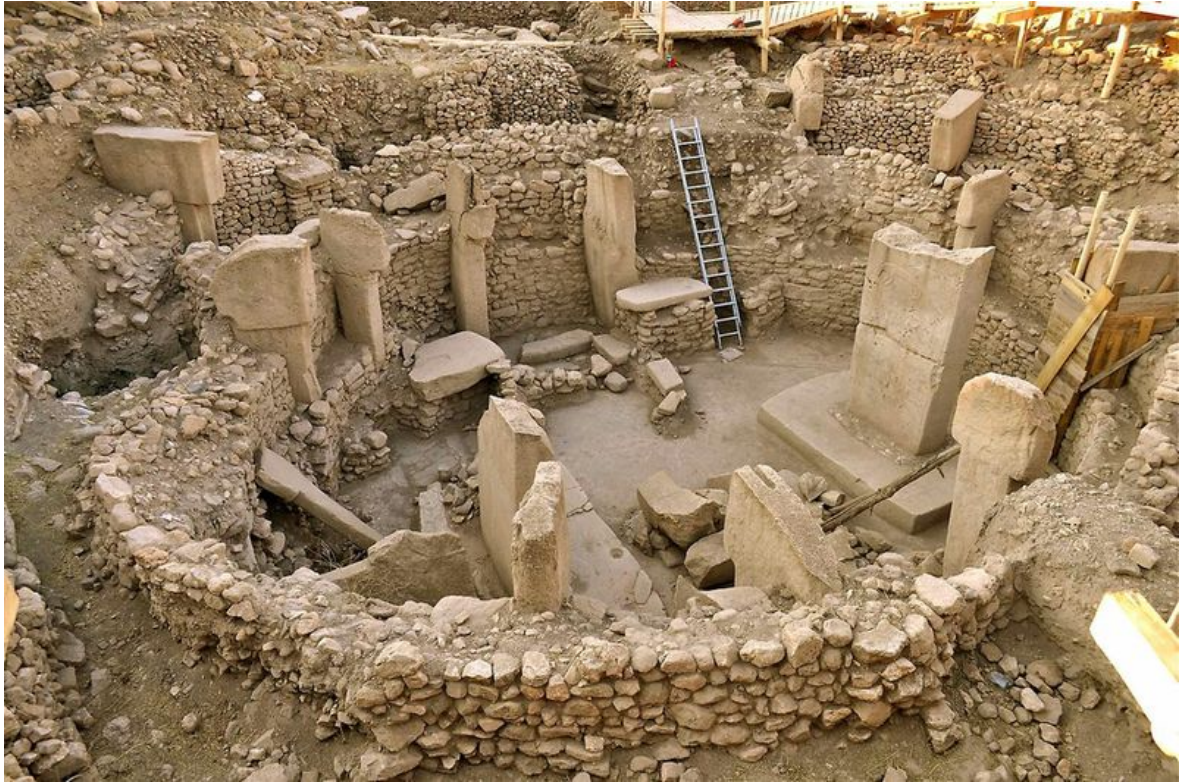

Чатал-Хююк был основан в 7200 г до н. э., имел до 10 000 жителей

Скульптура из Чатал-Хююка. Около 7-го тыс. до н.э.

Так как в слоях Хиама еще нет зерен злаков с признаками одомашнивания, то можно сделать вывод, что идеологические изменения происходят раньше экономических перемен. Об это же свидетельствует и древнейшие постройки (храм) религиозного назначения в Юго-Восточной Турции – Гёбекли Тепе. Возраст древнейших построек комплекса оценивается в 12 000 лет (10-е тыс. до н.э.). При этом земледелие зародилось в этом районе на 500 лет позже.

Гёбекли Тепе

Так Ковен обосновывает зарождение новой религии с культом Богини и Быка, которая прослеживается через эпоху докерамического неолита, чатал-хююк-хаджиларскую, халафскую, самаррскую, убейдскую и сузианскую культуры до становления эгейской и персидских цивилизаций. **Возможно, это была первая религия в истории с персонифицированным и антропоморфным богом. Жак Ковен описывает развитие идеологических представлений эпохи неолита и ставит вопрос о времени и обстоятельствах замены зооморфного мужского образа божества или духа на человеческий.** Географически новое мировоззрение распространилось в Восточном Средиземноморье, Месопотамии, Малой Азии (Анатолия), Иране, Средней Азии и на Кавказе.

Однако гипотеза Ковена о начале распространения неолитического образа жизни, в том числе и земледелия на Ближнем Востоке не подтверждаются современными исследованиями. Трасологи и палеоботаники открыли следы ранних этапов domestikации в натуфийской и других раннемезолитических культурах региона Плодородного полумесяца (Месопотамия и Восточное Присредиземноморье) которые существовали до хиамского периода. Например – залегания обугленных остатков пищевых растений указывает на экспериментальные попытки начать выращивать растения целенаправленно и подконтрольно.

Еще 14000 лет назад в жилищах стационарных поселений Леванта стали активно использовать ступки, пестики, терочные камни и жатвенные ножи, используемые пока только для обработки диких злаков. Самая ранняя земледельческая культура, вероятно, зародилась в Северной Сирии – здесь злаки выращивались уже около 13 000 лет назад; в Северном Ираке и в Иерихоне – около 12000 лет назад; и 11500 лет назад в Юго-Восточной Турции. Здесь совместно встречаются следующие культуры растений: пшеница-однозернянка, эммер (двузернянка), ячмень, чечевица, горох, вика горькая, нут и лен.

Интересно, что сейчас получает новые подтверждения гипотеза Р. Брэйдвуда 1953 года о том, что открытие процесса ферментации и изобретение пивоварения инициировало культивацию пшеницы и других злаков в Северной Месопотамии.

А вот предположение ученого о функциональном назначении новых религиозных образов для аккумуляции производительной силы сомнений не вызывает.

Переход от мезолита к неолиту характеризуется выразительным символизмом – общественные сооружения культового назначения; монолитные стелы (часто Т-образные, символизирующие, вероятно, голову быка); моделированные человеческие черепа с использованием глины, извести, гипса, красок и ракушек и выставлявшиеся в специальных местах; каменная и глиняная скульптура. Современные исследователи также отмечают на этапе перехода к неолиту формирование нового культурного пространства на Ближнем Востоке.

В мезолите уже присутствует качественно иная ситуация в отличие от палеолита. Способность к освоению символической репрезентации в средствах материальной культуры получает массовое и системное распространение. Именно эта способность наиболее точно и глубоко определяет и современное мышление человека.

В эпоху мезолита люди впервые начали поддерживать существование долговременных коллективов, состоящих из сотен, а иногда и тысяч индивидов, что естественно требовало гибкости и изобретательности ума в новых условиях существования человеческого общества.

Создание символических систем и было вызвано потребностью долговременного использования социальной и культурной памяти, закрепляющей социальную идентичность и регулируемость сообществ. Но насколько была осознана людьми той эпохи необходимость создания новых религиозных и социальных традиций, остается не ясным.

В настоящее время общепризнано, что развитие информационных систем в истории человечества, то есть «**революция символов**», является **началом ключевого этапа развития человеческого общества**. Далее этап будет продолжен изобретением письма, печати и компьютерных технологий.

Благоприятные природно-климатические условия, установившиеся в мезолите, способствовали долговременному совместному проживанию большого количества людей на общей территории. Новые мировоззренческие представления и ритуалы были вызваны новыми общественными отношениями переходного времени и явились адаптацией во время перехода к оседлому образу жизни, что в конечном итоге формировало региональную идентичность и национальное самосознание.